

Игорь Орлав

Любовь по расписанию уборки

КодМЫ

Романтическая комедия

Игорь Орлав

Любовь по расписанию уборки

«Автор»

2026

Орлав И.

Любовь по расписанию уборки / И. Орлав — «Автор», 2026

Вера и Тимофей составили идеальный график уборки: время есть даже у губки, а за просрочку полагается смешной фант. Но за грязной посудой обнаруживаются дела, которых нет ни в одной колонке. В субботу приедет владелец квартиры с мебельным мастером, и соседям нужно успеть навести порядок. Одинаковые банки, неприступная кладовка и одна щётка на двоих превращают подготовку в соревнование с непредвиденными последствиями. Между тем за пределами кухни выясняется, что спорить им нравится далеко не обо всём.

Содержание

Глава первая. Семь минут просрочки	5
Глава вторая. Чемпионат по бытовому искусству	8
Глава третья. Всё на своих местах	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Игорь Орлав

Любовь по расписанию уборки

Глава первая. Семь минут просрочки

Вера вытащила из раковины дуршлаг, и на её тапочку выпала холодная макаронина.

На стене было написано, что к семи пятнадцати раковина освобождена, сеточка промыта, губка отжата и уложена на ребро. Часы над дверью показывали семь двадцать две. Губка лежала плашмя. Под дуршлагом обнаружились две тарелки, крышка и ложка, которая, судя по всему, пыталась уйти в слив.

Вера сняла тапочку, донесла её до ведра и только потом позвала:

— Тимофей. У нас семь минут.

Из коридора ответили:

— Уже восемь. Я вижу.

Он вошёл боком, с двумя огромными упаковками бумажных полотенец под мышками. На голове у него топорщились тёмные кудри, в которых за последние годы прибавилось седых ниток. Невысокий, широкоплечий, в круглых очках, Тимофей даже без полотенец занимал дверной проём убедительнее, чем Вера со стремянкой.

— Оставалось только ополоснуть, — сказал он.

— Здесь можно проводить раскопки.

— Это вчерашний ужин. Не преувеличивай возраст находки.

Вера указала на график. Два листа, шестнадцать цветов, сноски мелким почерком. Справа были приклеены дополнения. Внизу — расшифровка дополнений. Кухню они делили на поверхности, поверхности на участки, а участки на состояния: свободно, вымыто, высохло. Тимофей настоял, что это три разных результата. Вера нарисовала для них три разных значка.

График появился две недели назад, когда оба устали от фразы «я же вчера». К тому времени они почти четыре месяца снимали по комнате в старой квартире, по очереди покупали соль и ни разу не сумели купить её по очереди: на полке стояло пять пачек. Познакомила их общая приятельница, уезжавшая в другой город. Она заверяла, что уж эти двое никому не мешают.

Сейчас Вера подозревала, что приятельница просто очень хотела уехать.

— Я собиралась позавтракать до звонка, — сказала она. — Мне в восемь показывать макет. Теперь я мою твои тарелки.

— Не мой. Я вымою.

— Когда?

— Когда положу полотенца.

Он посмотрел на закрытый хозяйственный шкаф. Чтобы открыть дверцу, требовалась свободная рука. Вера забрала одну упаковку, и та немедленно раскрылась: по полу покатались белые рулоны. Тимофей поймал ногой последний.

— В графике этого нет, — заметил он.

Вера не засмеялась. Она плохо спала, под глазами залегли тени. Пепельные волосы, обычно ровно обрезанные у подбородка, справа загнулись наружу. Она заправила их за ухо и услышала в собственном голосе неприятную деловитость:

— Если бы ты выполнил свою часть, моей бы это не мешало.

Тимофей поставил полотенца на стол.

— Я с семи был в пункте выдачи. Твоя насадка на швабру не подошла. Отнёс назад, забрал другую. И полотенца. И лампочку в коридор. Ты говорила, там темно.

— Я не просила делать это до раковины.

Он снял очки и положил рядом с дуршлагом. Без них его лицо стало не сердитым, а очень усталым.

— Я вчера написал, что утром зайду за всем. Ты согласилась.

Вера вспомнила сообщение, открытое между двумя страницами каталога. Она тогда отправила ему большой палец и сразу забыла.

— Хорошо. Спасибо за насадку.

— Пожалуйста. Можно теперь мне помыть?

Она отошла. Тимофей включил воду, но спор уже нашёл новое место.

— А пакеты почему опять на ручке? — спросил он. — У них же есть коробка.

Вера повернулась.

— Потому что я вчера вымыла коробку. В ней разлилось средство. Упаковка, которую ты поставил крышкой вниз, была открыта. Потом я разобрала доставку, сверила, что не привезли, написала про возврат и убрала продукты. Пока ты думал, что я просто сижу в телефоне.

Он перестал тереть тарелку.

— Я не думал.

— Ты спросил, долго ли я ещё буду сидеть в телефоне.

— Потому что хотел показать тебе дом с усами.

На мгновение она растерялась. Оба любили находить на прогулках дома с лицами: окна-глаза, балконы-носы, водосточные трубы, похожие на сердитые усы. Началось с фотографии, которую Вера по ошибке отправила в их хозяйственный чат. Тимофей ответил рисунком соседнего подъезда с обиженным ртом. Иногда это было единственным, о чём они разговаривали за день помимо соли.

— Я не поняла, — сказала она.

— Я понял, что не поняла.

Вода шуршала по металлу. На стене напротив раковины график выглядел необыкновенно успешным. В нём никто не ждал курьера, не возвращал насадки и не переписывался о недостающем йогурте.

Вера достала зелёный маркер.

— Надо добавить ещё колонку.

— Там места нет.

— Можно рядом.

Тимофей посмотрел на стену так, словно Вера предложила пристроить к кухне новое помещение.

В эту минуту у обоих одновременно звякнули телефоны. Павел Андреевич, владелец квартиры, написал в общий чат: в субботу, в двенадцать, он приедет с мебельным мастером. Нижний шкаф под мойкой давно разбух, хозяин обещал заказать замену. Нужно освободить шкаф и проход, чтобы всё измерить. Заодно он хотел осмотреть квартиру и обсудить продление найма: оплаченный срок заканчивался через две недели.

Тимофей вытер руки и написал: «Будем дома».

Вера перечитала слова «осмотреть квартиру».

За четыре месяца они научились держать в чистоте видимые места. На верхнем шкафу лежали коробки, под столом жили два пакета с неизвестным содержимым, а дверца кладовки закрывалась только после переговоров.

— До субботы сорок восемь часов, — сказала она.

— Сегодня четверг. До двенадцати больше.

— Ты правда хочешь потратить разницу на уточнение?

Тимофей повесил полотенце и наконец улыбнулся.

— Нет. Я хочу позавтракать.

Вера поставила чайник на подставку и нажала кнопку. Её чашка стояла на верхней полке, до которой она легко доставала благодаря своему росту. Тимофей тянулся туда с таким видом, будто каждый раз рассчитывал подрасти.

Она достала обе чашки.

— За раковину всё равно фант, — сказала она.

— Принимаю. Но я выбираю из двух.

— Как договаривались.

Он взял листок, на котором ещё оставалось место, и написал: «Представить чайник почётному собранию». Вторым вариантом была хвалебная речь в честь макаронины. После недолгого размышления Тимофей выбрал чайник.

Глава вторая. Чемпионат по бытовому искусству

Вечером Тимофей постучал в Верину дверь и спросил, согласна ли она выслушать чайник сейчас или лучше после ужина.

— Он коротко?

— Кипятиться не будет.

Вера закрыла ноутбук. Весь день она верстала каталог маленькой мебельной мастерской. Заказчик присылал новые фотографии ровно тогда, когда старые уже помещались на страницу. Последнее письмо начиналось словами «небольшое уточнение» и содержало двенадцать файлов.

На кухне чайник стоял на перевернутой миске. Рядом лежал листок с нарисованной медалью.

— Перед нами человек непростого свиста, — начал Тимофей.

— Он электрический.

— Прошу не сообщать выступающему, кем он является.

Дальше было про долгую службу, широкий круг чашек и непоколебимую ручку. Вера выдержала до «коллективная благодарность за тёплое отношение к воде». Потом рассмеялась так, что пришлось сесть.

Тимофей, не сбиваясь, дочитал речь. Он изготавливал реквизит для небольшого театра, и торжественность дешёвых предметов была его профессиональной слабостью. На сцене у него даже картонная селёдка выглядела так, будто получила отдельное приглашение.

— Фант исполнен, — сказала Вера. — Аплодисменты без дополнительной оплаты.

Их игра началась вместе с графиком. Не выполнил в срок свою часть графика — придумай две смешные задачи и выбери одну. Никаких штрафов, чужой работы и выступлений перед посторонними. Снимать друг друга нельзя. Любой мог сказать «стоп», и фант исчезал, без замены и объяснений. Они придумали это после первого серьёзного спора, когда оба ужаснулись собственному тону из-за несчастной сковородки.

Первые дни игра помогала. Тимофей нарисовал портрет забытого носка. Вера придумала прогноз погоды для холодильника. Теперь каждый всё чаще поглядывал на чужую половину графика в надежде, что там случится маленькая, безобидная просрочка.

— Предлагаю генеральную уборку, — сказала Вера. — Сегодня разбираем кухню. Завтра кладовку. В субботу только пол.

— И шкаф под мойкой.

— Он входит в кухню.

— По виду — отдельное государство.

Она принесла блокнот. Тимофей подвинул миску с чайником: церемониальный помост мешал составлению нового списка.

К девяти они приняли двенадцать решений. Все продукты должны были стоять в одинаковых банках. Все хозяйственные вещи — в подписанных коробках. На столе не оставалось ничего, кроме солонки. Тимофей предложил повесить щётку на крючок у раковины. Вера считала, что щётка должна лежать в ящике. Для примирения решили сначала вымыть саму щётку.

Она лежала на столе под графиком: деревянная ручка, светлая щетина, зелёная петля. Оба потянулись одновременно.

Вера, стоявшая за его плечом, дотянулась поверх банок. Тимофей ловко протянул руку между стопкой банок и миской. Их пальцы встретились на ручке.

— Мой участок, — сказал он.

— Мой инструмент. Я мою ящик.

— Щётка не может быть твоей только потому, что ты придумала ей жильё.

Они замерли. Вера смотрела на его широкую ладонь, неожиданно осторожную. Тимофей смотрел на щётку с деланой озабоченностью. Первой засмеялась она и отпустила ручку.

Он тоже отпустил. Щётка стукнулась о край перевернутой миски, чайник качнулся. Они успели подхватить его вдвоём.

— Награждённый выражает недоверие организаторам, — сказал Тимофей.

Через полчаса на столе стояло восемь одинаковых банок. Выглядели они превосходно. Вера подписала крышки белыми буквами, Тимофей расставил их по высоте, хотя высота у всех была одинаковой. Старые упаковки отправились в пакет, пакет — к двери.

— Красиво, — признал он. — Вещам легче дышится.

Вера оглянулась на пустую столешницу и почувствовала гордость. Потом ей понадобился пакет для мусора.

Пакеты они убрали в коробку. Коробку поставили в шкаф. Банки они успели переставить на край столешницы перед шкафом: полка ещё сохла. Банки нельзя было сдвинуть на стол: на нём сох ящик для щётки. Тимофей предложил временно поставить банки на пол. Вера напонила, что пол уже чистый. Он заметил, что банки тоже чистые. Она указала на нижнюю полку, он — на листок с очередностью работ.

— Мы только что освободили стол, — сказала Вера. — Почему я не могу сделать на нём бутерброд?

На это у графика ответа не было.

Они поужинали на подоконнике. Тимофею досталась деревянная дощечка, Вере — крышка от пищевого контейнера. За окном светились окна дома напротив; один балкон был завешен бельём и походил на огромный платок под носом.

— Этот простудился, — сказала Вера.

— Нет. Рыдает над нашими банками.

Она улыбнулась, не поворачиваясь. За всё время соседства они редко стояли рядом просто так. Обычно один ждал, когда другой отойдёт от плиты.

— Ты точно хочешь продлевать? — спросил Тимофей.

— Комнату? Да. Мне здесь удобно работать. И двор хороший. А ты?

— Театр отсюда близко.

Он помолчал и добавил:

— И соседи терпимые.

— Взаимно. Хотя один ужасно медленно моет дуршлаг.

До сна они успели убрать банки на полку. Пакет со старыми упаковками Тимофей отнёс в прихожую, чтобы утром вынести. Вера поставила на графике шесть зелёных галочек и одну золотую звёздочку.

Когда свет на кухне погас, стена сияла гораздо убедительнее, чем сама кухня.

Глава третья. Всё на своих местах

В пятницу утром Тимофей обнаружил, что его завтрак неизвестного происхождения.

На крышке банки было написано «Хлопья». Внутри лежало нечто мелкое и светлое. Сколько это варить и надо ли вообще варить, он не помнил. Он забрал хлопья по Вериному заказу; вечером она пересыпала их в банку, а упаковку выбросили вместе.

Он достал вторую банку. На ней значилось «Ещё хлопья».

— Очень полезная классификация, — сказал Тимофей.

Вера, уже с телефоном в руке, прищурилась на надпись.

— Я хотела потом дописать.

— Ты же сказала, что закончила.

— Закончилось место на крышке.

— Поэтому ты потратила его на слово «ещё»?

Она забрала банку и пошла в прихожую. Пакета там не было.

— Ты вынес?

— Как положено, до семи сорока.

Он сказал это с такой невинностью, что Вера поняла: фант уже готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.